

ВИЛЛЬДЖЕМС

ДЫМКА

1 9 3 4

ДЕТГИЗ

ВИЛЛЬ ДЖЕМС

Д Ы М К А

*ПЕРЕВОД М. А. ГЕРШЕНЗОНА
РИСУНКИ АВТОРА*

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

1 9 3 4
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор Я. Коваленко.

Техредактор Б. Смирнов.

Сдано в производств 8/II—34 г.

Подписано к печати 26/IV—34 г.

Детгиз № 47. Инд. Д-7. Формат 82*111/32 14 1/2 печ. л. (8,6 авт. л.).

Уполномоченный

Главлита Б-36626. Тираж 20 000. Зак. № 680.

11-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва,
Валовая, 28,

I. ЖЕРЕБЕНОК ПРЕРИЙ

Природа была ласкова в тот день, когда маленький вороной жеребенок родился на свет и попробовал опереться длинными шаткими ногами в бурую землю прерии. Короткие стебельки колодой зеленой травы пробивали себе дорогу сквозь свалявшуюся в войлок прошлогоднюю отаву. И солнечно, и тихо было в это утро в ложине, где родился Дымка.

Тогда его никто не назвал бы Дымкой, потому что он был совсем черным; это имя он получил позже, когда вырос в стройного четырехлетку и стал ходить под седлом. Свет увидал он не в тесном стойле в окне конюшни, и ни одной человеческой души не было при этом, никого, кто присмотрел бы за ним, помог бы ему стать на ноги и сделать несколько первых шагов. Дымка был жеребенком прерий, и в это утро их было только двое: он да его заботливая мать.

Дымке не было еще и часа, когда он проснулся к жизни. Весеннее солнце делало свое дело, тепло, растекалось по гладкой черной шерстке и впитывалось в тело, так что скоро уже он поднял голову и уткнулся носом, в вытянутые свои передние ноги принялся их, обнюхивать. Мать его была тут же рядом

и едва он шевельнулся, она коснулась мордой его коротенькой шеи и заржала. При этом звуке Дымка поднял голову еще чуть-чуть выше и заржал в ответ. Ржанья не было слышно, видно было только, как у него вздрогнули ноздри. Это было только начало. Еще немного, и его уши заходили взад и вперед, он стал ловить каждый шорох материнского шага. Он все хотел знать, где она. Потом что-то задвигалось как раз перед ним, в двух шагах от его носа. Сперва Дымка не обратил на это внимания, потому, что в глазах у него еще стоял туман. Но когда это «что-то» снова шевельнулось и подошло к нему ближе, Дымка вытянул шею и понюхал. Запах ему был знаком, и он успокоился. Это была нога матери. Жеребенок снова насторожил уши и заржал, — на этот раз ему удалось это лучше. Тут он попробовал встать. Но ноги не слушались его, и едва он приподнял с земли свой живот и сделал маленькую передышку, передняя нога задрожала и подогнулась в колене; весь труд пропал даром.

Дымка полежал на боку и отдышался. Мать заржала, ободряя его; он снова поднял голову и растопырил ноги. Теперь он уже смыслил кое-что в этом деле. Мать ходила вокруг него и разговаривала с ним по-своему: то ткнет его мордой, то отойдет в стороны постоит и посмотрит.

Весенний воздух, который, сдается мне, на пользу всему молодому, немало потрудился, чтобы поднять Дымку на ноги, прогнать с глаз туман и налить его тело силой. Неподалеку, но все же так далеко, что Дымка не мог их видеть, резвились беломордые телята, носились, высоко вскидывая ноги, из стороны в сторону

бегали, задрав хвосты кверху, так что им позавидовала бы и гончая собака.

Здесь были и другие жеребята, которые бродили по лощине и пощипывали свежие побеги травы. И все они — и жеребята, и телята — только недавно вышли из того периода беспомощности, в котором сейчас

находился Дымка. Всех их в день рожденья ласково встретило солнце, кроме тех немногих, которые родились слишком рано, когда на земле лежал снег или до костей пронизывали холодные весенние ливни.

За несколько дней до того, как родился Дымка, его мать отбилась от своего табуна и спряталась

в укромном месте, куда, она знала, не заглянет ни бык, ни лошадь, ни всадник. Немного спустя, когда Дымка будет тверд на ногах, она вернется снова к своим; теперь же ей хотелось быть одной со своим жеребенком.

Мать Дымки была настоящей лошадьё прерий.

В холодные дни, когда прерия тонула в снегах, она знала высокие хребты, где сильные ветры не давали держаться снегу и можно было найти корм. Если засухи выжигали траву и вылизывали воду из водоемов, она тянула ноздрями воздух и пускалась через родную долину к отрогам высоких гор, где всегда можно было напиться. В этих горных краях бродили кугуары и волки, но инстинкт мустанга был ей верной защитой. Она вовремя обходила то место, где подкарауливал ее горный лев, а волку никогда не удавалось загнать ее в тупик.

Дымка унаследовал от матери этот инстинкт, но в это тихое весеннее утро ему было не до врагов; с ним была его мать, а сам он должен был справиться с трудной задачей: собрать всю свою сметку и понять, как ему устоять на длинных расползающихся во все стороны ногах.

Прежде всего, нужно подобрать их под себя; это он сделал легко, потом передохнул и собрался с силой. Вот у него поднялась голова, вот вытянулись вперед передние ноги. Задние ноги были еще подобраны под живот. Тут Дымка перелил в них все свои силы, всю свою тяжесть перенес на передние — и встал, потому что, на счастье, между ногами оказалось равное расстояние. Теперь оставалось только туго-туго вытянуть ноги и не давать им сгибаться. Не так-то легко было сделать это, потому что, вставая, Дымка потратил все свои силы, и проклятые длинные ноги ходили ходуном.

Пожалуй, все обошлось бы хорошо, но его мать заржала: «Аи, молодец!» — и это смутило Дымку. Он гордо вскинул голову кверху, забыл смотреть за своими ногами — и покатился наземь. Но пролежал он на земле недолго. То ли ему понравилось вскакивать на ноги и валиться снова, то ли его взяла досада — только он тотчас же встал снова, и вот стоял не слишком твердо, но все же стоял.

Мать подошла к нему, обнюхала его, он понюхал ее и сразу принялся сосать. Это была его первая кормежка, ему было теперь отроду полтора часа.

Этот день был для Дымки полон событий. Он обследовал всю округу, открыл горы в два фута "высотой, широкие долины в шесть или восемь футов в поперечнике, а раз даже убежал один на двенадцать футов от матери. Потом он налетел на скалу, у которой был очень красивый вид, и лягнул ее, пробегая мимо. Все это случилось сразу, и он снова растянулся во всю длину, будто собою хотел измерить землю. Но это была не беда, он был очень счастлив и веселился вовсю. А когда солнце садилось за синие отроги гор, Дымка прозевал всю красоту первого в его жизни заката: он снова лежал, вытянувшись во всю длину, но на этот раз по доброй воле, и крепко-крепко спал.

Ночь могла бы поспорить с ушедшим днем: звезды высыпали часто, и каждая старалась перещеголять своим блеском других. Охотники гнали стадо буйволов в округ Большого Ковша, водоема Страны счастливых охот. Но Дымка ничего не видел, он все еще спал, утомленный приключениями первого дня своей жизни, и, может быть, спал бы еще долго, если бы мать, оберегавшая его сон, не подошла слишком близко и нечаянно не наступила ему на хвост

Дымке, наверное, приснился дурной сон, может быть, прирожденный инстинкт нарисовал в его уме врага, похожего не то на волка, не то на медведя, — врага, который прижал его к стене. Во всяком случае, едва он почувствовал, как прищемился хвост, — он прынул на ноги, готовый дорого продать свою шкуру. Он носился вокруг матери, круг за кругом, и все искал врага, который потревожил его сон. Так он бегал, пока не очутился в тени у материнского бока; здесь была безопасность, и он сразу забыл об обиде и вспомнил, о том, что хочется есть. Теплое молоко потекло ему в рот.

На востоке небо светлело, звезды поблекли. Охотники за буйволами ушли на покой; несколько часов прошло с тех пор, как Дымке привиделся враг, и он спая уже снова. Он проспал первый закат солнца, проспал и первый восход. Ему нужно было набрать силы для нового дня.

Солнце разогрело, разморило Дымку. У него шевельнулось одно ухо, потом другое. Он глубоко вздохнул и вытянулся. Потом сразу ожил и глянул на мать. Мать заржала. Дымка поднял голову и попытался встать. Это ему удалось, он нагнул шею и растянулся снова. День начался.

Начался этот день с того, что мать накормила Дымку: потом, щипля траву, она двинулась по направлению к кучке деревьев в миле или около того к югу. У этих деревьев протекал прозрачный ручей, а Дымкиной матери больше всего на свете хотелось сейчас воды. Она изнывала, так ей хотелось напиться студеной воды, но шла вперед медленней медленного, то и дело она останавливалась и ждала, пока Дымка догонит ее, да еще по пути обнюхает и осмотрит каждую былинку и каждый комок земли.

Маленький крольчонок выскочил прямо у него из-под носа, постоял мгновение, не смея бежать, потом сиганул между длинных ног сосуна и скрылся в норе. Дымка ни разу на своем веку не видал еще кролика, не знал — бежать от него или нет. Дымке хотелось пуститься бежать, а повода не было.

Скоро он припустил прочь и без всякого повода забрался в высокую сухую траву, стебли защекотали ему брюхо, он фыркнул и поскакал. Его длинные ноги смыкались и размыкались, он рад был тому, что так быстро бежит. Дальше и дальше, дальше и дальше — и вот он понесся в сторону, противоположную той, куда хотелось матери. Она терпеливо остановилась, ожидая его.

Когда он подбежал к ней и вскинул копытца, и фыркнул, и захрапел — видно было по нему, что это будущий дикий конь.

Часа два ушло у них на то, чтобы добраться до ручья. Мать долго-долго пила холодную вкусную воду, потом перевела дух и еще раз попила. Дымка сунулся носом в воду, но пить не стал: покамест трава для него была, чтобы бегать, вода — чтобы выбивать серебряные фонтаны брызг.

Весь этот день они провели у ручья. То-то было у Дымки приключений! В те часы, когда он не спал, сколько пней было в тополевой роще, которых можно было пугаться, от которых можно было бросаться прочь, очертя голову!

Но были здесь звери пострашнее пней, — их-то Дымка и не заметил. К примеру, большой койот из-за (кучи валежника) не спускал с него глаз. Не то чтобы ему было интересно смотреть, как играет Дымка, он ждал только, чтобы мать отошла немного подальше от сосуна, и ему представился случай расправиться с Дымкой по-свойски, — ничего нет вкусней для койота, чем мясо жеребенка, и он готов был ждать этого случая хоть целый день. Жеребенок подбегал к нему дважды, но всякий раз его мать была тут же, и койоту не хотелось отведать ее копыт. Зверь увидел, что ему вряд ли придется здесь поживиться, понюхал воздух и бросил свою засаду. Держась за ивами, он отполз в сторону, откуда ему видна была вся поляна, и снова припал к земле. Он все не знал - итти ему прочь или еще подождать немного.

Тут его и заметил Дымка. Выгнув шею дугой и разбросавши хвост, Дымка поскакал к койоту, который сидел на месте и ждал, а когда тот был уже рядом, в нескольких

шагах от него, он бросился прочь, не быстрее чем мог бежать за ним любопытный жеребенок. Ему надо было заманить жеребенка за гребень холма подальше от материнских глаз.

За холмом койот повернул назад и молнией бросился к горлу Дымки. Кровь поколений мустангов, которые бились с волками и кугуарами, текла в жилах Дымки, и это спасло его. Он метнулся вбок и прыгнул вверх, ударив обеими задними ногами о землю. Зубы койота только скользили по коже под его челюстью.

Но до избавления было еще далеко, и, брыкнувшись ногами, Дымка почувствовал тяжесть койота и острую боль в поджилках. Громкий, истошный крик ужаса вырвался у него, и тотчас же послышался ответ.

Мать взлетела вверх по холму, окинула взглядов склон и с прижатыми ушами, оскаленными зубами, точно комок огня, ринулась в битву.

Клочья желтой шерсти полетели по ветру, и борьба мгновенно превратилась в погоню. Койот несясь впереди, всем телом чувствуя близость страшных зубов, пока не скрылся за дальним холмом.

Дымка рад был теперь вернуться с матерью к ручью. Он не шарахался в сторону от пней, мимо которых они пробегали, и не бросался играть, когда

ветка щекотала ему брюхо: он проголодался и устал. когда он наконец добрался до молока и насосался вволю, он не стал выбирать места, где бы растянуться всем своим утомленным телом. Тоненькая струйка крови запеклась на задней ноге, но укус не болел. Дымка сладко спал и, может быть, видел во сне пни - желто-серые пни, которые умеют бегать.

Когда наутро взошло солнце, Дымка был уже на ногах. Он стоял, прищулив глаза, и неподвижно, точно валун, который лежал возле него, грелся на солнце. Затекаящая нога напоминала о вчерашнем дне, но неприятности были забыты. Урок остался уроком; он не спутал бы теперь ни за что койота с пнем, но ошибка не убавила в нем веселья.

Дымке было теперь два дня, силы его быстро прибывали; ему казалось, что нет для него уже слишком длинных путей. Когда солнце взошло повыше, и мать двинулась с места, он не стал плестись позади. Немота в ноге проходила, и к полудню он снова взметывался и шарахался от малейшей причины, а часто и без всяких причин.

Они бежали все дальше и дальше, и Дымке стало казаться, что дорога все же длинна. Они пересекли уже равнину у подножья гор, перебрались через высокий хребет, через несколько речек, а мать все бежала вперед. Она не останавливалась даже, чтобы как следует его покормить. Дымка устал и начал спотыкаться.

Так бежали они, пока солнце не прошло с полдороги до горизонта, потом мать замедлила шаг и стала пастись. Немного спустя Дымка улегся на бок и заснул. Дымка не много понимал в то время и не знал, что мать возвращается назад, к родным лугам, где было много лошадей и жеребят, с которыми

можно было играть; потому он был недоволен, когда поздно ночью она снова тронулась в путь.

Наконец путешествие было окончено. Напившись у ручья, мать стала пастись у подножья высоких тополей, ничем, не показывая, что хочет уходить с этого места. Здесь Дымка решил наверстать потерянное время. Он улегся на землю и заснул так крепко, что даже солнце, глядевшее сквозь липкие молодые листья, не смогло разбудить его. Только вздрагивавшее порой ухо показывало, что жеребенок жив.

Весь день его было не видно, не слышно. Изредка он вставал пососать и тотчас же снова врастажку ложился на теплую землю. Только на другое утро он почувствовал себя снова маленьким диким конем.

Таким сильным он никогда не был еще. Он видел теперь гораздо дальше, чем прежде; мог оглядеть половину пространства, которое охватывала взглядом его мать. Она первая увидела табун лошадей, идущих к воде. Дымка услышал, как она заржала, и удивился, почему она ржет: ведь он был рядом с нею, и некого было ей звать. Но скоро до его слуха донесся топот; он повернул уши на звук, а через миг увидел лошадей. Он даже вздрогнул, так все они были похожи на мать.

Мать ожидала приближения табуна, наостривши уши вперед; едва передние увидели Дымку, все взволновались, сгруппировались вокруг, чтобы рассмотреть и приветствовать новенького сосуна. И тут мать прижала уши к голове. Это было предупреждение — никто не подходит слишком близко.

При виде стольких родичей у Дымки затряслись колени; он, робея, приткнулся к материнскому боку, но голову вытянул, как только мог, чтобы разглядеть их получше. По блеску его глаз было видно, что он